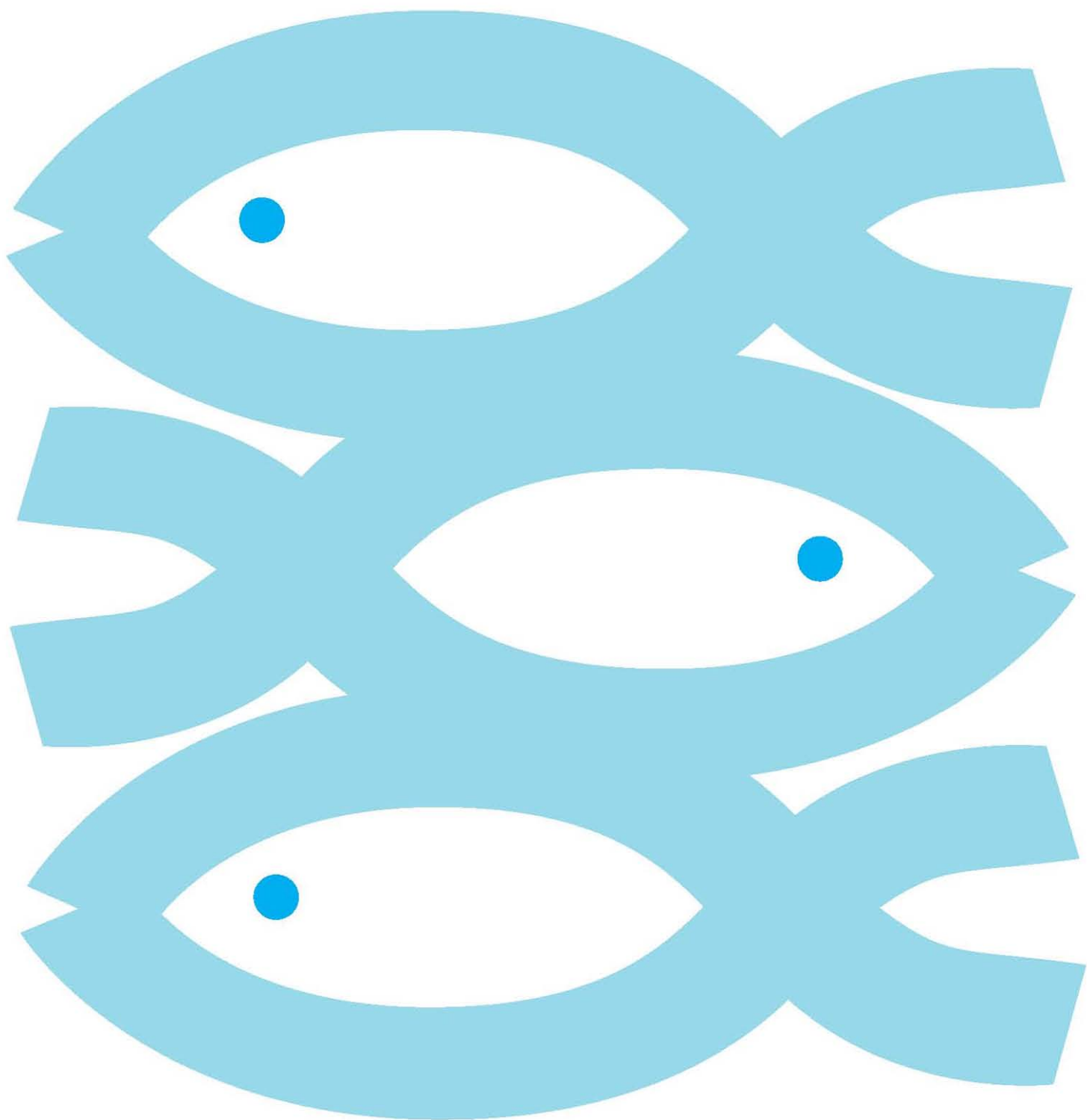

ВРЕМЯ КУЛЬТУРЫ

П Е Т Е Р Б У Р Г

журнал для образованных людей

№1(3)2014

С о д е р ж а н и е

КУДА Ж НАМ ПЛЫТЬ?

Александр Мелихов
Есть такая партия 6

ГОРОД ПЫШНЫЙ, ГОРОД БЕДНЫЙ

Иван Саблин
Биржа как храм
размышлений о Вечности 12

Илья Бояшов
Остров сокровищ 18

РАЗГОВОРЫ СОВРЕМЕННОКОВ

Алиса Фрейндлих:
«Так позвольте нам иметь
свой особенный театр!» 30

КУЛЬТУРА В КВАРТИРЕ

Наталья Пахомова
А пластинка, как в юности, крутится... 38

НАШИ ЛЮДИ

Александр Баргман:
«Не хочу быть удобным» 44

Сергей Мигицко:
«Наш спектакль – это памятник
интеллигентному человеку» 50

СУДЬБА КНИГ, КНИГИ СУДЕБ

Александр Етоев
Какая форма у планеты Земля? 52
(Радий Погодин)

Наталья Курчатова
Родина-мать поёт 56

РАССКАЗЫ О...

От Шекспира до Гоголя, от Козинцева
до Германа (Георгий Кропачев) 58

МИГ УДАЧИ

Татьяна Москвина
Нормальная женщина? 68
(Анна Ковальчук)

НАШИ ЛЮДИ

Ирина Дудина
Великолепный дедушка 76
(Владимир Яшке)

ЭТО ВОПРОС!

Дмитрий Циликин
Рассуждение о Ничто 88

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КЛАССИКИ

Марианна Димант
Эмма – это кто? 94

СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ

Татьяна Москвина
Город по имени Дрейден 104

ИЗЫСКАНИЯ

Людмила Барсова
Юродивый – An idiot boy 114

ИЛЛЮЗИОН

Татьяна Москвина
Фантастическая победа 126
(Ирина Евтеева)

Невыносимая тяжесть бытия 136
(Писатели о фильме
Алексея Германа «Трудно быть богом»)

МУЗЫКА ЖИЗНИ, МУЗЫКА – ЖИЗНИ

Роман Рудица
Игра традиции и поиска 142
(к 75-летию Юрия Темирканова)

Ирина Тайманова
Счастливый несчастливый человек 148

РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Павел Крусанов
Дайте ему кусок камня 154

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Сергей Носов
В торце Большой Московской 160

ФИЛОСОФ СМОТРИТ В МИР

Александр Секацкий
Жизнь на электронных пастбищах 166

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Александр Белинский 172

Р е д а к ц и я

Главный редактор
Татьяна Москвина
moskvina@timeculture.ru
Зам. главного редактора
Дмитрий Цилик
tsilikin@timeculture.ru
Редактор
Наталья Курчатова
kurchatova@timeculture.ru
Редактор сайта
Елена Кузнецова
kuznecova@timeculture.ru
Художник
Александр Веселов
Директор
Ян Кронберг
Yan.Kronberg@ragrad.ru
Референт
Валерий Веткин
vetkin@timeculture.ru

ВРЕМЯ КУЛЬТУРЫ
П Е Т Е Р Б У Р Г

Журнал для образованных людей
№1(3) 2014

Материалы журнала на сайте
www.timeculture.ru
e-mail: info@timeculture.ru

КУДА Ж НАМ ПЛЫТЬ?

Александр Мелихов

ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ

– Я ЗВОНЮ с... – бла-бла-бла, названия не расслышал, – канала телевидения, можно вас спросить про центр Петербурга, он реконструируется, многих приходится переселять на окраины. Как вы думаете, что с ними делать потом – возвращать обратно в центр или предоставить его людям успешным? Кто в состоянии содержать его в приличном состоянии? Вы можете подойти к памятнику Кутузову?

Девичий голосок в трубке щебетал так мило, что и я настроился благодушно: национальное достояние потому-де и называется национальным, что принадлежит всем, вплоть до прошлых и будущих поколений. Но если кто-то готов обменять свою долю красоты под окном на устраивающую его сумму, так и дай Бог ему счастья в Купчине или веселья в Весёлом Посёлке. Однако под медным Кунктатором прямо передо мной вещал юрисконсульт одной из тех строительных фирм, которые с таким напором и размахом превращают российскую культурную столицу в американское захолустье. Полпред разрушителей долбил в одно и то же место с неукоснительностью всеокрушающего чугунного ядра: центр должен принадлежать людям успешным и состоятельным, успешным и состоятельным, успешным и состоятельным...

Но моей толерантности хватило и одного удара. Я предложил взглянуть на мемориальные доски, которыми гордится наш город, и задуматься, удалось бы тем, в чью честь они повешены, завтра разместиться в своем прежнем жилище? Вот Гоголю, оставившему после себя два чемодана книг, никак бы не удалось поселиться на бывшей улице Гоголя, а Грина, пожалуй, даже из Весёлого Посёлка турнули бы под алыми парусами. К Мусоргскому на сто первый километр. Правда, Есенин, возможно, всё-таки удержался бы на улице Есенина.

Запись кончилась, но унижение не отпустило – неужели мы ещё живем в городе Пушкина и Достоевского, не только открывших миру трогательных и кротких станционных смотрителей и переписчиков казённых бумаг, но и очень прозрачно намекнувших, как из униженных и оскорблённых рождаются Дубровские и Раскольниковы? И хорошо, если бы их ненависть оттачивалась исключительно против зажавшегося и зарвавшегося жлобья. Но ведь она может обратиться и против едва ли не последнего ещё не промотанного нашего наследия – против культуры, против красоты, – если у народа возникнет чувство, что и красота приватизирована «успешными» (с каких же пор на Святой Руси стали измерять успех не делами, а баблом?!).

Это в нашем городе, где Блоку даже во время революции удалось отойти в мир иной по соседству с будущей улицей Блока, были написаны горькие слова:

«Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? – Потому, что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа.

Почему валят столетние парки? – Потому, что сто лет под их развесистыми липами и клёнами господы показывали свою власть: тыкали в нос нищему – мощной, а дураку образованностью».

Я был бы счастлив, если бы нынешние господы тыкали нам в нос образованностью, ибо они пока что тычут нам в нос невежеством. Тогдашние господы имели за собою хотя бы то оправдание, что на деньги, пусть «отнятые у народа» (других денег просто не бывает), их аристократические предки за-

зывали выдающихся архитекторов, созидавших красоты, остававшиеся городу и миру. А нынешняя знать, кроме смехотворных особняков для себя лично и помесей сундука с аквариумом для нашего потомства, ничего за все эти годы свободы так и не создала!

Рынок и демократия ведут к диктатуре убожества, если им не противостоит аристократия – общественный слой, в идеале сочетающий богатство и культуру. Но сегодня богатство и культура разошлись так далеко, что аристократическое начало, похоже, почти целиком сосредоточилось в людях, живущих не на доходы, а на зарплату. Это им близки и дороги история и красота нашего города, столь успешно разрушаемого «успешными». Это не богатые и успешные, а нормальные образованные «трудящиеся» сегодня без тени корысти защищают, например, Чесменский дворец от раздавливающего соседства «многофункционального комплекса», в пять раз, как они мне говорили, превышающего в высоту сам памятник культурного наследия.

Ну так и кто же заслуживает права жить в соседстве с такими памятниками – те, кто их любит и защищает, или те, для кого любая ценность вопрос цены?

Короче говоря, если даже бедные и беззащитные согласятся по доброй воле и за приличные бабки уступить исторический центр богатым и влиятельным, государство не должно этого допускать. Культура, красота должна быть подобна солнцу, проливающему свой свет на бедных и на богатых, на

сильных и на бессильных – предпочитая, впрочем, любящих и понимающих. А если уж государство решит ранжировать людей ещё и по доступу к красоте, то делать это следует исключительно за служение не мамоне, но вечности. Пусть в центре живут не те, кто что-то делит, а те, кто что-то делает, – рабочие, учёные, врачи, учителя...

Может, мы хоть этим отработаем своё стремительно линяющее звание культурной столицы.

Но главное, чем мы могли бы послужить отечеству, – это создание не очередной «демократической», но – АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ партии. Партии, взвешивающей на сегодняшний день с точки зрения вечности.

А что, собственно, означает это выражение – «с точки зрения вечности» – *sub specie aeternitatis*? Смотреть на вещи с точки зрения вечности означает предпочитать «долготу» – «широту», ставить перед собой не тот вопрос, который сегодня считается главным: «Насколько широкого круга людей это касается?» – но вопрос, сегодня слишком уж непопулярный: «Многих ли это будет волновать через одно – два – три – десять поколений?»

Лермонтов, пророчествуя о горькой участи своего поколения, устрашал сверстников не низким качеством жизни, но *бесследным исчезновением*: толпой угрюмою и скоро позабытой над миром мы пройдем без шума и следа. Без неприметного следа и Пушкину было бы грустно мир оставить, Гоголя тоже с юности ужасала перспектива затеряться в пыли, ничем не означив своего имени. Даже «мужиковствующий» Толстой признавался, что, берясь за новую вещь, он испытывает ощущение, будто на него смотрят сорок веков...

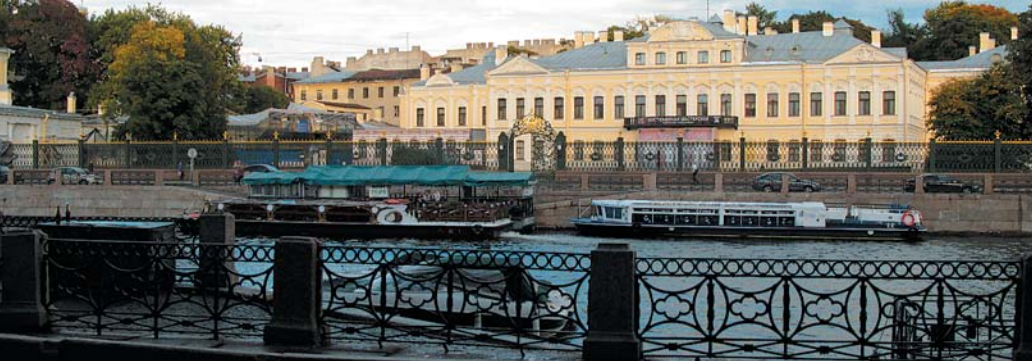
Подобные чувства сегодня расхожий гуманизм заклеил бы как аристократические и, следовательно, противоположные демократическим, ибо демократично только то, что служит повседневным нуждам так называемого простого человека. Однако подобная трактовка гуманизма и демократии основана на глубочайшем презрении к этому самому простому человеку и, в сущности, даже на отказе считать простых людей людьми. Прагматический взгляд на человеческую природу исходит из той посылки, что для человека физические ощущения неизмеримо важнее, чем душевные переживания, тогда как дело обстоит скорее обратным образом.

Кто спорит – достаточно умелая и настойчивая пытка болью, голодом, страхом почти каждого заставляет рано или поздно забыть обо всех высоких фантазиях. Однако это не означает, что пытка вскрывает истинную сущность человека, – нет, пытка вовсе не обнажает, но *убивает* человеческую суть – способность относиться к плодам собственной, а тем более коллективной фантазии намного более серьезно, чем к реальным предметам.

Фантазии, грёзы, сказки, легенды – они-то и живут долее всего.

Поэтом если Россия хочет жить долго («вечно»), ей абсолютно необходимы люди-легенды, события-легенды. Люди, нацеленные на дела, которые способны жить в памяти потомков, – эти люди и составляют национальную аристократию. Именно благодаря своей аристократии и выживают народы: их сохраняет не территория и не экономика, а память

о великих предках (система легенд и фантомов) и надежда (грёза) когда-нибудь оказаться их достойными. Да, народ сохраняют именно коллективные иллюзии, становящиеся смертельно опасными, если они уходят слишком далеко от реальности, и ведущие к распаду нации, если они исчезают вовсе.

Следовательно, те, кого действительно ужасает стон «Россия погибает!», должны признать первейшей национальной задачей развитие национальной аристократии, расширение круга людей, мечтающих оставить след в памяти потомков.

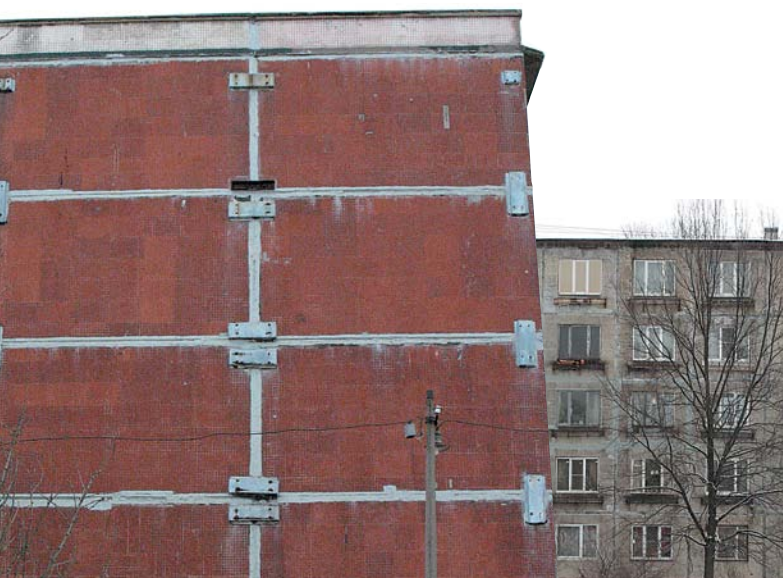
Этим и должна заняться Аристократическая партия. Прогрессивная печать немало потешалась над склонностью советской власти создавать коров-рекордисток и быков-рекордистов, однако в человеческом мире это было бы жизненно необходимой политикой. Я имею в виду всемерное расширение – особенно в провинции – сети школ для наиболее одарённых и наиболее романтических в науке, искусстве, военном деле...

Так что же, вознегодует радикальный гуманист, простые люди, равнодушные к вечному и долговечному, должны снова служить сырьевым ресурсом творящих историю «великих личностей»? На все эти вековые излияния жалости кающегося дворянина к простому человеку можно тоже повторять из века в век: *не нужно жалеть простого человека больше, чем он жалеет себя сам*. Разве не самые что ни на есть простые люди первыми голосуют за фашистов и коммунистов, суля-

щих им национальное и классовое величие? А эти российские язвы – пьянство, наркомания, бессмысленные убийства, самоубийства – им что, больше всех подвержены какие-нибудь аристократы духа? От невыносимой бессмысленности, бесцельности бытия страдают прежде всего люди обычные, именно их в первую очередь убивает отсутствие хотя бы воображаемой причастности к чему-то впечатляющему и долговечному. Во время футбольных матчей вопят от восторга и рвут волосы от отчаяния что, какие-то необыкновенные романтики? Видели вы когда-нибудь, чтобы люди так сходили с ума при получении зарплаты?

Если бы человек был способен радоваться исключительно личным успехам, мир состоял бы почти из одних только злобствующих неудачников, потому что на любом пьедестале почёта могут поместиться лишь очень немногие. Но человек – самый что ни на есть простой и обычный – в своём воображении способен отождествить себя с другими людьми, социальными группами, корпорациями, нациями, человечеством наконец, и благодаря этому ощутить их победы как свои собственные.

И в этом его главное спасение от неустрашимых неудач и несчастий, которыми переполнена жизнь даже самого благополучного человека. Индивидуализм, сосредоточенность на личных достижениях – мироощущение нелёгкое даже для сильных, для победителей, ибо поражение в конце концов терпят все, да к тому же и невозможно всегда побеждать всех и вся. Но слабых индивидуализм просто раздавливает, именно слабым, обычным людям особенно необходимо приобщиться к чужим успехам, к чужому величию, к чужой долговечности. А потому

люди рядовые нуждаются в развитии национальной аристократии, в возможности гордиться её достижениями гораздо больше, нежели сама аристократия.

И вот это-то прежде всех должны уяснить именно патриоты, государственники: из всего национального наследия – территория, хозяйство и прочая, и прочая – для исторического выживания нации наибольшую ценность представляет именно аристократия. В античные времена еврейский народ полностью утратил территорию, но сохранил духовную аристократию, хранительницу грёз, – и через две тысячи лет возродил государство на прежнем месте. Меньше века назад, уничтожив аристократию – духовную, интеллектуальную, – большевики почти превратили Россию в другую страну. Нужно ли продолжать их дело демократическими методами?

Возрождение и защита аристократии есть часть одной из главных государственных функций – защиты слабых. Ибо в защите нуждаются не только малозащищённые личности (они хоть как-то да могут напомнить о себе), но и малозащищённые общественные потребности, те потребности, которые лишь очень немногими (аристократами) ощущаются как личные. В особой защите нуждаются именно те формы деятельности, которые прежде всего и обеспечивают народу долгожительство, – это наука и искусство, чьё главное дело – поражать воображение новыми знаниями, творить и поддерживать грёзы, способные чаровать даже и по другую сторону государственной границы, создавая тем самым пресловутый национальный престиж.

Кто, скажем, уважает Италию за её средней руки достаток? Её чтут за Леонардо, Микеланджело, Ферми. А мы уже век проедаем авторитет Толстого, Достоевского, Чехова, Мусоргского, Чайковского, Менделеева, Ляпунова...

Но этот ресурс начинает подходить к концу...

Иссякание гениев более всего и должно беспокоить Аристократическую партию.

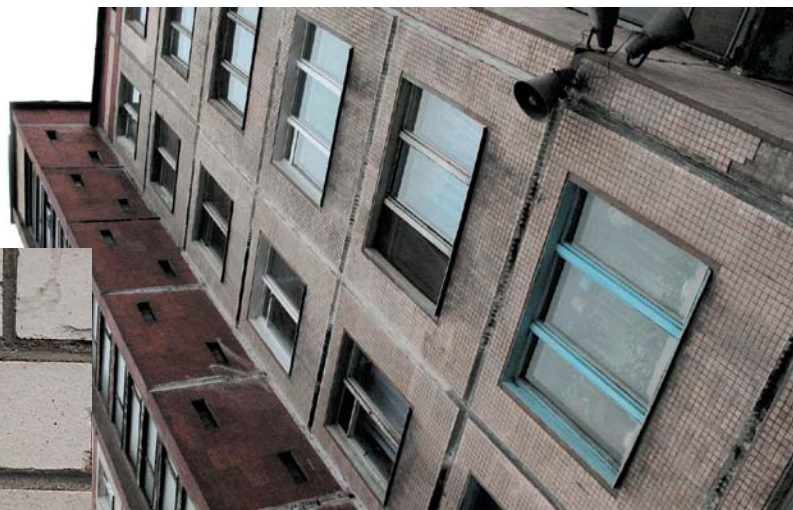
Если смотреть с точки зрения вечности, между властью, аристократией и простым народом нет никаких непримиримых противоречий. Медный всадник, попирающий маленького человека, конечно, необыкновенно мощный образ. Но – Медный всадник ещё и гениальное произведение искусства, к которому со всего света тянутся туристы. И потомки бедного Евгения из Читы и Самары считают делом чести сфотографироваться у каменной волны его постамента...

Ибо и у аристократа духа, и у рядового человека есть один общий могущественный враг – скука, ощущение ничтожности и бессмысленности существования. И Медный всадник не только требует жертв – он ещё и открывает гению путь к бессмертию, а жизнь обычного человека наполняет смыслом и красотой. Аристократия и народ, гений и Евгений перед зданием Сената протягивают друг другу руку.

Один национальный гений защищает свой народ от ощущения мизерности и ничтожности лучше, чем двести дивизий и миллиард миллиардеров, – кто из них оставил след в вечности? А потому Аристократическая партия и есть самая народная.

И не нужно думать, что для неё не хватит кадров: если их собрать по всей России – романтиков, мечтающих причаститься какому-то бессмертию, – числом их выйдет целая Финляндия. Целый малый народ, составляющий незримое сердце большого народа.

Есть такая партия. Осталось лишь, как выразались когда-то, сплотить её ряды.

Иван Саблин

БИРЖА КАК ХРАМ РАЗМЫШЛЕНИЙ О ВЕЧНОСТИ

ВСЕМ ЦЕНИТЕЛЯМ прекрасного категорически необходимо посетить петербургскую Биржу именно сейчас – в момент неопределённости и томительного ожидания: что будет дальше. Не потому, что, вполне вероятно, – ничего. Нет, будущее памятника представляется не таким и печальным. И всё-таки в эти месяцы Биржа как никогда хороша – музей Военно-морского флота её уже покинул, а новые владельцы ещё не приступили к заселению. Ни экспонатов, ни посетителей. Ничего лишнего, одни чистые формы. Похоже на то, как в недавние времена какой-нибудь храм, долгое время бывший складом или фабрикой, возвращали прежним хозяевам. Он мог быть уже освящён, открыт для посещения, но ещё не приведён в порядок, без глянца, без китча, с частичными утратами, даже ранами. Но что-то непередаваемо привлекательное было в этих просторных полупустых гулких пространствах.

Ремонт, конечно же, чреват потерями. Особенно если в дело вмешаются профессионалы-реставраторы с их безоглядным культом изначальности. Это они желали бы спилить нагло разросшиеся деревья в Летнем саду, обратить коммунистическое Марсово поле в пыльный плац, это им удалось когда-то «воссоздать» Меншиковский дворец, уничтожив подлинный Кадетский корпус, а позже отыскать дворец и самого Петра, разворотив ценнейший Эрмитажный

театр Кваренги. Меркантильные соображения давно вытеснили из реставрационного дела всякую научность. И коль скоро построить заново всегда дешевле, а подметить подмену смогут лишь немногие, сломать и сделать «как было, даже лучше» – вот навязчивая идея тех, кто работает сейчас в центре города, перемалывая безжалостно старый фонд.

Впрочем, если историческое здание найдется под охраной, крушить его приходится потихоньку, прикрываясь высоким забором, за рекламными щитами, и только если заглянуть в щёлочку, увидишь, что позади – в лучшем случае одни внешние стены, сердцевина же выпотрошена, в худшем – вообще пусто. Это как Дэвид Копперфилд похитил на время статую Свободы: шторы закрываются, открываются вновь, и, о чудо, статуи нет, ещё раз то же самое... статуя на месте. Ровно так в Москве отреставрировали Большой театр, только исчезал он на самом деле, без обмана, или, лучше сказать, обман в том и состоял, что в определённый момент за занавеской не было никакого театра, но прошло несколько лет и, о чудо, театр функционирует вновь.

Страшно подумать: ведь вокруг Биржи могли возвести такую же многометровую ширму, за которой занялись бы своим чёрным делом строители, разломав устаревшие конструкции, заодно и стены. Всегда есть

опасность, что в этот критический момент (когда за занавеской ничего нет) закончится финансирование и похищенный на время памятник уже не вернут. Или через несколько лет из-за шторок показался бы новодел. В том, что этого не произошло, заслуга, как ни странно, строителей былых времён. Зодчих дореволюционного Петербурга, которые не особенно церемонились с памятниками старины, – ведь тогда ещё не было ГИОПа, да и ценность архитектурного классицизма только начинали открывать отдельные энтузиасты из «Мира искусства».

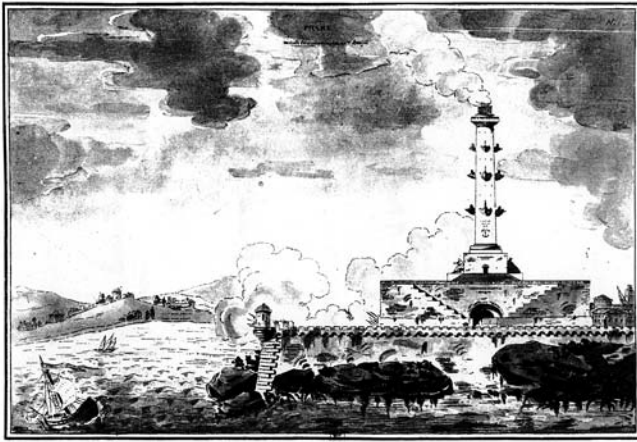
На их глазах город стремительно менялся – как всегда, без участия тех, кто хоть что-то понимал в его истории. У того же Тома де Томона, автора Биржи, успели погубить и Большой театр, и склады Сального буяна. Вслед за ними и главное его творение, только что справившее в 1910-м столетие и по-прежнему выполнявшее функции места встреч торговцев и финансистов, решено было подвергнуть подновлению. Архитектора Мариана Перетятковича здешнее купечество выбрало не случайно – на тот момент он, пожалуй, главный выразитель духа Империи, желавшей в канун Первой мировой подкачать классические мускулы.

Рядом с Биржей, где ансамбль прежней главной площади Васильевского острова был уже изуродован безликой клинкой Отта, как раз тогда снесли старинный Го-

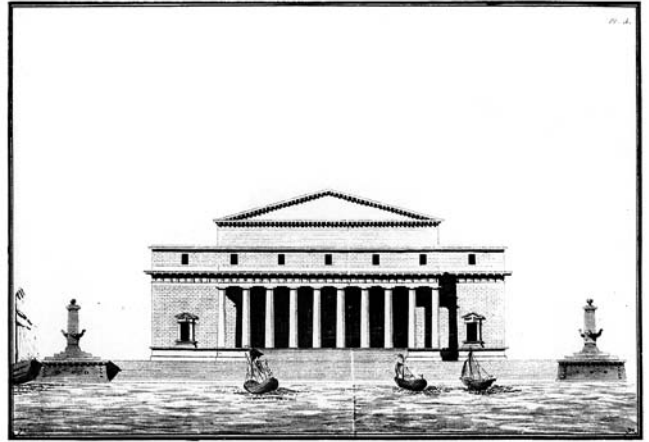
стиный двор, поражавший современников величиим внутренних аркад, похожих на монастыри итальянского Средневековья, а на освободившееся место водрузили сразу два серых ящика – библиотеки Академии наук и спроектированного все тем же Перетятковичем Министерства торговли и промышленности. Глядя на эти дерзкие вмешательства в облик города, можно только констатировать: нашей Бирже несказанно повезло.

Правда, при реконструкции 1913–14 годов исчез ценнейший кирпичный свод главного зала, однако заменивший его железобетонный сделан так, что ни снаружи, ни внутри практически ничего не заметно. Хотя никто не требовал соблюсти подлинность! Впрочем, строили тогда в Петербурге всё же не плохо обученные рабы из Средней Азии, оттого и простоял новый свод уже сотню лет и до сих пор не нуждается в капремонте. Так меньшее зло, совершённое тогда, уберегло здание от большего зла сегодня.

В начале минувшего века было, конечно, меньше лицемерия – никто ведь и не обещал, что памятник «возродится из пепла», что всё станет как раньше. К тому же Томона не считали великим, а его ансамбль – сверхшедевром. Однако он смог потеснить крупнейшего, без преувеличения, зодчего Старого Света – Джакомо Кваренги, утончённо-сдержанная манера которого, строгость и консерватизм, равно

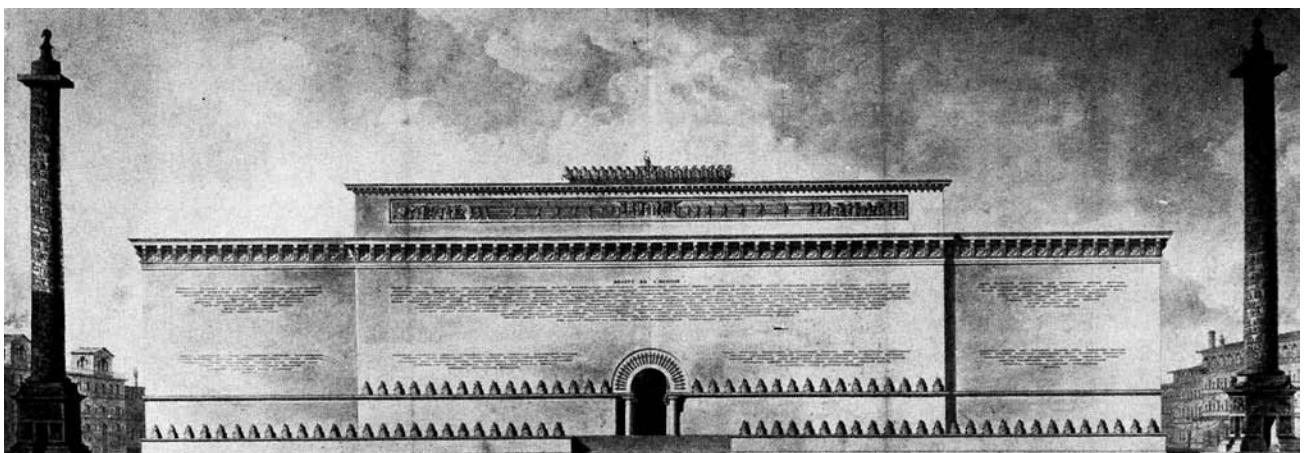
Буржо. Проект маяка. 1788 г.

П. Бернар. Проект Биржи. 1782 г.

как безразличие к французской моде, уже не могли удовлетворить массовые вкусы эпохи. Карикатура Орловского, где престарелый гений подносит к глазам крошечного, словно статуэтка, Томона не столько с брезгливостью, сколько с любопытством, раз и навсегда установила масштаб двух архитекторов. Однако вчерне отстроенную Биржу, которую задумал Кваренги, снесли, место же её предоставили в распоряжение французу. Так что уже в самом начале существования ансамбля случилась несправедливость, притом несправедливость двойная – ведь Томон почти наверняка прибег к плагиату (между прочим, Жан Тома, дабы казаться благородных кровей, придумал себе и сложную фамилию, и дворянство). Так, главный зал под цилиндрическим сводом мог украсить новую королевскую библиотеку, спроектированную незадолго перед революцией главой французской архитектурной школы Этьеном-Луи Булле. Гигантские атланты у входа в книгохранилище перекочевали в версии Томона на верхушку Ростральных колонн – огонь должен

был вырваться непосредственно из несо- мых ими сфер. Кстати, моду на гигантские шары, сильно уменьшенный вариант которых декорирует у нас спуски к воде, ввёл тот же Булле. Рецензировавший проект Адриян Захаров – несравненно более талантливый и уж всяко более профессиональный зодчий – атлантов раскритиковал и... забрал себе: сменив гендер, они встали по обе стороны главной арки Адмиралтейства. Ну а таких окружённых колоннадой параллелепипедов во французской архитектуре того времени пруд пруди. Правда, ввиду наступившего лихолетья почти всем им суждено было остаться на бумаге – в этом выгода ситуации, в которую попал Томон. Одна из наиболее консервативных стран Европы приняла у себя если не зодчих революционной Франции собственной персоной, то по крайней мере их революционные идеи. И нигде больше к экспериментальным проектам французов не отнеслись с такой серьезностью, продолжая ещё и двадцать лет спустя осуществлять их как в столице, так и в глухой провинции.

Галль. Гравюра по картине М. Хеемскерка.
«Разрушение храма Соломона в Иерусалиме». 1557 г.

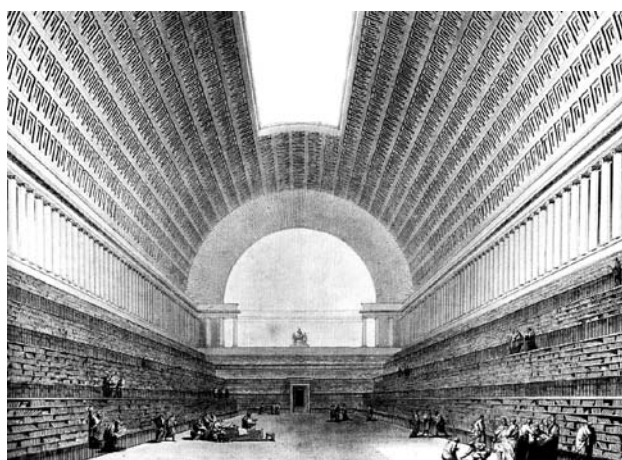
Но что означает комплекс Стрелки в целом? К чему пусть даже приморскому городу *два симметричных маяка*? Однако две колонны сопровождают многие проекты той эпохи. Их смысл прозрачен – и столетие спустя в Европе, да и в Америке могли сделать здание с двумя столбами перед входом, и все знают, что внутри – таинственная мasonicкая ложа. Происхождение этого мотива библейское: в Ветхом Завете то небольшое, что известно о храме, построенном в Иерусалиме царём Соломоном и разрушенном халдеями, – наличие двух колонн у входа. Их украшали корзины с плодами граната – в петербургском варианте место оных занял огонь маяков.

Картина, с которой начиналась коллекция Эрмитажа, – почти случайно приобретенный в Голландии безразличным живописи Петром подлинник Рембрандта «Прощание Давида с Ионафаном» содержит на заднем плане версию Храма с двумя столбами. А через век после великого голландца Гюбер Робер, которого так любила Екатерина, создал почти что проект Стрелки, разместив в своей архитектурной фантазии на берегу Тибра (где был столь же мо-

нументальный спуск к воде) и две колонны, и храм. В свою очередь, Кваренги в проекте декорации для Эрмитажного театра почти процитировал эту картину – он ведь тоже был в курсе архитектурной моды, но не настолько, чтобы переносить её в реальное строительство. Он полагал такое возможным лишь на сцене.

Сначала просто желание подражать легендарному Храму, а потом и убежденность вольных каменщиков (в рядах которых состояли тогда почти все образованные европейцы – а уж зодчие просто поголовно), будто их организация происходит непосредственно от бригады строителей Храма, привели к тому, что парные колонны украсили не один дворец и дом Европы. Установив такие колонны, ставшие маяками, перед Биржей, ей придали легко читавшееся значение: «Храм коммерции» – подобно тому, как перед каким-нибудь музеем или академией художеств они возвышали эти здания до статуса «храма искусств».

Впрочем, со временем масонско-ветхозаветный след из культурной памяти петербуржцев – обладателей одной из самых масштабных фантазий на тему соломонова

Э.-Л. Булле. Проект реконструкции королевской библиотеки в Париже. Интерьер. 1780-е гг.

ВРЕМЯ КУЛЬТУРЫ

П Е Т Е Р Б У Р Г

Специальный проект журнала «ФУЗЗ» («FUZZ») – журнал «**ВРЕМЯ КУЛЬТУРЫ. ПЕТЕРБУРГ**»

Издание зарегистрировано как средство массовой информации Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Северо-Западному федеральному округу, свидетельство ПИН[№]ТУ78-01406 от 03. 09. 2013.

Учредитель: ООО «Раград».

Издатель: ООО «Раград».

Адрес редакции: 192102, Санкт-Петербург, Волковский пр., д. 32а, бизнес-центр «Радиус». Тел. (812) 655-00-52.

Номер подписан в печать 14. 04. 2014.

Перепечатка материалов и использование их в любой форме возможны только с письменного разрешения редакции.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Для лиц старше 16 лет.

Типография: ООО «Типографский комплекс «Девиз».

199178, Санкт-Петербург, В. О., 17-я линия, д. 60, лит. А, помещение 4 Н. Тел. (812) 335-18-30.

Заказ №ТД-1629. Тираж 3000.

Цена свободная.